

DOI: 10.31857/S032103910007964-3

ХІ ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ» (Москва, 29–30 марта 2019 г.)

Ежегодно в конце марта – начале апреля кафедра истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ проводит «Миусские античные посиделки» – небольшого формата конференции, посвященные какой-либо узкой, но значимой научной проблеме. На этот раз тема мероприятия была обозначена так: «“Охота к перемене мест”: путешествия, переселения, миграции в древности». К обсуждению были предложены следующие сюжеты: странствия персонажей мифов и эпоса; переселения и миграции народов и племен в легендах и реальности; великая греческая колонизация как «странствие длиной в века»; путешественники поневоле: жертвы депортаций, «спецпереселенцы», беженцы, изгнанники, эмигранты; торговля, политика, война и другие факторы географической мобильности в древности; античные географические сочинения как теоретические трактаты, практические руководства и «путеводители»; путешествия древних как культурное явление. В соответствии с выбранной проблематикой были определены секции конференции, традиционно именуемые «сидениями»: «научное», «политэмигрантское», «героическо-мифологическое», «миграционное-колонизационное» и «туристическое».

29 марта в докладе *Д.А. Щеглова* (Санкт-Петербург) «Другая история античной географии?» был рассмотрен ряд вопросов, касающихся исторической эволюции этой научной дисциплины (преимущественно эллинистического и римского императорского времени). В какой мере и каким образом наши представления об истории античной географии обусловлены фрагментарностью дошедших сведений? Что в этих представлениях можно считать надежным, не зависящим от превратностей передачи рукописной традиции, а что, напротив, результатом случайности, определившей, каким текстам суждено сохраниться, а каким – кануть в Лету? Если бы набор дошедших источников оказался другим, насколько иной могла бы предстать перед нами и вся история античной географии? Для ответа на эти вопросы были сопоставлены семь известных перечней наиболее авторитетных географов, которые по сути представляют собой различные взгляды на историю античной географии. Автор показал, что списки, которые приводят Страбон, Агафемер и Плиний, образуют более или менее единую традицию, берущую начало, очевидно, от Эратосфена, тогда как остальные авторы (Агафархид, Псевдо-Скимн, Авиен, Маркиан) от этой традиции, каждый по-своему, сильно отклоняются. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «Между географией, историей и литературой: античные «путеводители» (на примере “Плавания по Боспору” Дионисия Византийского)» обратился к подробному, насколько это возможно, рассмотрению этого довольно мало используемого современными исследователями произведения (предположительно II в. н.э.). Показательно, что первый перевод этого источника на современный европейский язык (итальянский), снабженный достаточно подробным комментарием, увидел свет лишь в 2009 г. Автор доклада показал специфическое место Дионисия в исторической традиции Византия (в частности связь с «Историческими установлениями Константинополя» Гесихия Иллистрия, VI в. н.э.) и в античной географической литературе в целом и продемонстрировал ценность сообщаемой им информации географического,

Работа выполнена в рамках гранта РНФ 19-18-00549 «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках».

мифологического и исторического характера, включая описание им разного рода природных и культурных достопримечательностей Византия, (Золотого) Рога и Боспора Фракийского.

На втором «сидении» *А.В. Мосолкин* (Москва) в своем выступлении «Сколько было Энеев и все ли они добрались до Италии?» попытался показать, что миф об Энее состоял из нескольких пластов, созданных в разные времена и на различных территориях Средиземноморья. Географические рамки мифа — от Малой Азии до Сицилии, временные — от VII до I в. до н.э. Автором были обрисованы следующие сюжетные линии: 1) Эней, который сражался за Трои: по мнению большинства современных исследователей, в нем следует видеть второстепенного защитника города, не имевшего значительных военных достижений; 2) Эней, который спас и вынес на собственных плечах отца Анхиса во время бегства из Трои: именно к образу этого Энея, прославившегося благочестивым, относится подавляющее большинство древних изображений; 3) наконец, Эней, который основывал многочисленные города Средиземноморья: с ними он был связан, вероятно, либо сходством имени (города Энос, Энея, место Троя близ устья Тибра и т.д.), либо наличием храма Венеры. Такая протяженность во времени и пространстве обусловила то, что миф о троянском герое оказался крайне противоречивым. Докладчик, разбирая эти противоречия, высказал ряд предположений относительно того, чем именно миф об Энее оказался столь притягателен для римлян, что они «выбрали» этого персонажа в качестве основателя Города. *А.А. Немировский* (Москва) обозначил тему своего доклада как «Отражение среднеассирийских исторических реалий в античной традиции и греческие миграции на восток». Анализ греческой традиции о Нине и Семирамиде обнаруживает, что ее исходный вид был следующим: в начале XIII в. до н.э. (в пересчете на наше летоисчисление) ассирийское великодержавие в Азии основал некий царь, а около начала VIII в. до н.э. в Ассирии правила царица Семирамида, сын и преемник которой был тезкой упомянутого владыки. Оба они в греческой традиции получают неисторическое этимологическое имя «Нин» (от Ниневии, ассирийской столицы в VII в. до н.э.), но за вычетом этого момента изложенная схема во всех подробностях отвечает реальной истории Ассирии и могла быть усвоена греками только от ассирийцев в пору существования Ассирийской державы. Вероятным первым реципиентом этой схемы была восточная греческая (памфило-кипро-килийская) ойкумена, созданная еще ахейскими мигрантами из Эгеиды в XII в. до н.э.

Д.В. Зайцев (Москва) в докладе «“Фантомные эвбейцы” и “мифическая война”: эвбейская колонизация Италии и ее разоблачение в современной историографии» обратился к ключевым проблемам архаической истории Эвбеи. В ней выделяются два основных события. Первое — колонизационное движение VIII в. до н.э., во время которого эвбейцы основали многочисленные поселения в Италии, на Сицилии, а также факторию на Ближнем Востоке. Второе — Лелантская война, упоминаемая Геродотом, Фукидидом, Страбоном и Плутархом. В историографии указанные события неоднократно сопоставлялись. Многие исследователи полагали, что именно Лелантская война привела к окончанию колонизационных предприятий эвбейцев. Однако в 1980–2000-е годы в историографии начался масштабный пересмотр архаической истории Греции, основанный прежде всего на расширении роли археологических источников. В рамках этой критической ревизии были поставлены под сомнение как ведущая роль эвбейских полисов в колонизации VIII в. до н.э., так и историчность Лелантской войны. В рамках доклада автор пришел к следующим выводам: во-первых, сомнения в историчности Лелантской войны и активного участия эвбейцев в колонизации VIII–VII вв. до н.э. нельзя считать достаточно обоснованными; во-вторых, масштаб Лелантской войны действительно нуждается в переоценке: она не была «общегреческой»; в-третьих, корреляция между военными конфликтами и колонизационными предприятиями не укладывается в простые схемы, распространенные в историографии. Не следует полагать, что начавшаяся война обязательно прекращает колонизационные предприятия. Поэтому предполагаемая в историографии середины XX в. связь между эвбейской колонизацией и Лелантской войной не может считаться доказанной. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «Кельты в эллинистическом мире: трансрегиональные миграции, локальные переселения, индивидуальные и групповые путешествия» рассмотрел предлагаемые древними авторами причины массированных вторжений кельтов-галатов на Балканы и в Малую Азию во второй половине IV — первых десятилетиях III в. до н.э. и отношение к ним в современной науке, а также уточнил пути передвижений галатов в эпоху «обретения родины» и обстоятельства перехода части их в Анатолию. Автор также указал на единичные примеры переселений (или, скорее, их попыток) каких-то групп малоазийских галатов в соседние регионы — Вифинию и Каппадокию, вызванные, видимо, политическими причинами. Наиболее же распространенным мотивом, обуславливавшим относительно массовые перемещения галатов фактически по всей восточно-эллинистической ойкумене, как хорошо известно,

была их служба в качестве наемников — именно в этом качестве они оставили следы от Египта до Боспора Киммерийского. В докладе также были рассмотрены относительно немногочисленные, но представляющие интерес примеры контактов между кельтами Запада и Востока.

Во второй день конференции состоялось четыре выступления. *Э.В. Рунг* (Казань) выступил с докладом «Персидская эмиграция в Грецию: причины, характер, последствия». Приведенный им материал устанавливает сам факт наличия «перемещенцев» не только из Греции в Персию (о чем довольно много написано в литературе), но и из Персии в Элладу. Всегда в основе этих перемещений лежал конфликт сатрапов, вельмож или их родственников с царем, хотя противоречия такого рода могли иметь под собой различные конкретные причины. Эмигранты не были пассивными в Греции: они активно добивались военной поддержки, используя в своих интересах противоречивые и напряженные греко-персидские военные и дипломатические отношения, и пытались вернуться в Азию для реализации собственных политических амбиций. Докладчик выявил интересную закономерность: как знаменитые греки, эмигрировавшие в Персию, чаще всего стремились любой ценой возвратиться на родину (хотя и не всегда, как свидетельствует пример Фемистокла), так и персы в Греции чувствовали себя недостаточно комфортно. Последнему обстоятельству способствовал и фактор культурных различий: все-таки эллины-эмигранты в Малой Азии пребывали, как правило, в более близкой для себя этнокультурной среде. *И.Е. Суриков* (Москва) обратился к теме «О путешествии одного афинянина в Персию, случившемся по форс-мажорным обстоятельствам и приведшем к появлению новой династии тиранов». Герой Саламина Фемистокл после своего бегства в Персию в 465 г. до н.э., как известно, получил от Артаксеркса I несколько греческих городов в Малой Азии. В одном из них — Магнесии-на-Меандре — он жил и правил в качестве вассального тирана до своей кончины в 459 г. до н.э. Там же он чеканил монеты, в надписях на которых ставил как собственное имя (ΘΕΜΙΣΤΟΚΛΕΟΣ, ΘΕ), так и название полиса (ΜΑ, ΑΜ). Теперь нумизматические данные позволяют с полной ответственностью утверждать, что наследником Фемистокла в качестве правителя Магнесии стал его сын Археполид (бегло упоминаемый Плутархом как Архептолид). О тирании Археполида нарративные источники ничего не сообщают, но известны его выпускавшиеся в Магнесии монеты (с легендами ΑΡΧΕΠΟΛΙΣ, ΑΡΧΕ, ΑΡ), демонстрирующие прямую преемственность по отношению к чеканке Фемистокла. Более того, есть некоторая вероятность, что существовал и третий тиран этого города — сын Археполида Фемистокл-младший; в таком случае ему должны быть приписаны магнесийские монеты с легендой ΘΕ, датирующиеся позже монет Археполида. Итак, выявляется целая династия тиранов (ранее совершенно неизвестная), продолжавшаяся два или даже три поколения — ее можно обозначить как Фемистоклиды.

На заключительном «сидении» в докладе *А.В. Махлаюка* и *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «Элементы травелога в нарративной структуре “Римской истории” Кассия Диона» были рассмотрены те автобиографические фрагменты и этногеографические экскурсии, которые могут быть охарактеризованы как «персональная география» историка или своего рода травелог — заметки, описания и сведения, основанные на личном посещении тех или иных мест и регионов. Соответствующие пассажи «Римской истории», проливающие свет на биографию и карьеру Диона, хорошо известны, но в современной историографии, уделяющей большое внимание нарративной структуре его труда, они тем не менее еще не становились предметом специального анализа и не интерпретировались как значимая особенность дионовского повествовательного стиля наряду с пристрастием к разного рода чудесам, анекдотам и отступлениям новеллистического характера. Рассмотренный в докладе материал позволяет заключить, что там, где это возможно, в связи с общим контекстом повествования или даже вне какой бы то ни было зависимости от него Дион, как правило, не упускает случая не просто указать на свое знакомство с той или иной местностью, но и подчеркнуть авторитетность своего знания, основанного на личном опыте. Прямые ссылки, брошенные *ad hoc* замечания или выразительные подробности обнаруживают хорошее знакомство автора «Римской истории» не только с родной для него Вифинией и прилегающими областями Малой Азии и европейского Боспора (Византий), но и с Италией, ставшей для него второй родиной (прежде всего Кампанией, где у Диона было поместье в окрестностях Капуи), а также теми провинциями, в которых он занимал посты в ходе своей сенаторской карьеры (Азия, Африка, Далмация и Верхняя Паннония). Не исключено, что Дион мог побывать и в Британии, находясь в свите Септимия Севера во время его британского похода 208—211 гг. н.э. Свои познания он использует при описании театров военных действий и отдельных сражений (Диррахий, Тапс, Акции), экзотических явлений, достопримечательностей и обычаев, необычных природных феноменов и памятных событий. Это служит и для оживления рассказа, и для придания весомости авторским суждениям, создавая

образ нарратора, черпающего сведения путем аутопсии и способного критически оценить свидетельства и мнения своих предшественников. Вместе с тем такой подход, как и явный интерес к парадоксографии, соответствует духу и увлечениям северовского времени, а кроме того, обнаруживает причастность Диона к геродотовской традиции историописания. А.Ю. Маркелов (Москва) представил тему «Запретный плод сладок? О посещении Египта римскими сенаторами в эпоху Раннего принципата». Доклад был посвящен проблеме, которая ранее не рассматривалась специально: возможности путешествий римских сенаторов в Египет в период правления династии Юлиев—Клавдиев после запрета, введенного Октавианом в 30 г. до н.э. из политических соображений. Имеются всего два источника, которые могут косвенно указывать на возможные путешествия некоторых *patres* в Египет в названный период. Первый из них — это надпись, происходящая с острова Филе и датированная 2 г. до н.э. Ее оставили два римлянина, Л. Требоний Орикула и Г. Нумоний Вала. Последний — это скорее всего легат Квинтилия Вара, погибший в битве в Тевтобургском лесу, тогда как другое лицо неизвестно по иным источникам. А.Ю. Маркелов показал, что нельзя сказать с уверенностью, обладал ли Нумоний Вала сенаторским статусом во время поездки. Другой источник — это фрагмент «Естественной истории» Плиния Старшего из произведения Г. Лициния Муциана (консула 64 или 67, 70, 72 гг. н.э.), в котором античный автор называет расстояние от Александрии Египетской до Родоса. Несмотря на то что Муциан провел не один год в восточных провинциях, путешествуя и по личным делам, и в качестве должностного лица, на основании данного сообщения также невозможно с определенностью выяснить, посещал ли он Египет. Таким образом, преемники императора Августа, видимо, предпочитали не давать разрешения сенаторам на посещение страны фараонов.

Все выступления сопровождались активным обсуждением и содержательной дискуссией, в которых участники и гости конференции отметили высокий уровень представленных докладов и перспективность дальнейших исследований по историко-географической проблематике, связанной с миграциями, переселениями и путешествиями в древнем мире.

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

E-mail: gabelko@mail.ru

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор кафедры
истории древнего мира
Института восточных культур и античности
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия